СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 34 · № 6 · 1975

Я. С. БИЛИНКИС

ОБ АВТОРСКОМ ПРИСУТСТВИИ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

Рядом исследований последнего времени — в первую очередь работами С. Г. Бочарова — очень точно определены характер и формы проявления авторского лица в «Евгении Онегине». И это позволяет теперь задуматься над историко-литературным смыслом особого авторского присутствия в пушкинском «романе в стихах». Настоящая статья предлагает один из возможных аспектов подхода к «Евгению Онегину» с указанной стороны.

«Творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей» [1], — слова эти принадлежат Карамзину. «Всегда изображается» — проблемы как будто еще нет никакой. «Часто — против воли своей» — здесь словно бы уже отмечается некий драматизм в отношениях художника со своим же созданием.

По удивительно верному восприятию Пушкина, Карамзин, будучи последним русским летописцем, явился и первым нашим историком. Также и в связи с литературой для него рождались уже совсем новые вопросы.

Крыловские басни Белинский назвал «маленькими комедиями». Этим определением остро схвачено возникновение в них подлинного взаимодействия (хотя бы и в пределах привычных басенных ситуаций) между персонажами, снимающего и отменяющего назначенный наперед вывод и одномерные в своей неподвижности характеристики. Так это и в «Стрекозе и Муравье», и в «Вороне и Лисице», и во многих других случаях.

Из басен Крылова уходила мораль как исходное, изначальное основание и твердо определенный конечный итог. Жизнь — как движение, как процесс — проникала в самое произведение, обнаруживала здесь возможность своего словно бы продолжения, своего развертывания. И создание литературы не подчинялось теперь моральной установке, но само с разных сторон и в разных планах оказывалось моральной проблемой.

Если свести друг с другом высказывания Белинского о «Горе от ума» в разные годы, на разных этапах пути критика, то прежде всего бросается в глаза, как неизменно Белинский вменял Грибоедову в вину прямую зависимость действующих лиц пьесы от автора, то, что через них говорит в сущности непосредственно он сам. Указав, например, в статье о «Горе от ума» на резонерство Чацкого и приведя затем один из фамусовских монологов, Белинский почти с недоумением восклицал: «Это говорит не Фамусов, а Чацкий устами Фамусова, и это не монолог, а эпиграмма на общество... Мало этого: сам Скалозуб острит, да еще как — точь в точь, как Чацкий», а Лиза отвечает Молчалину «эпиграммою, которая сделала бы честь остроумию самого Чацкого» [2].

---

[1] *Карамзин Н. М.* Избр. соч. в 2 томах. Т. 2. М., «Художественная литература», 1964, с. 120.

[2] *Белинский В. Г.* Полное собр. соч., т. III. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 482—484.